

Пути Россіи

Статья шестая *)

I

Китай — міръ. Съ востока и юго-востока — океанъ. Съ юго-запада и запада — горы. А на сѣверѣ — Великая стѣна. Стѣна въ 10.000 ли — твореніе рукъ человѣческихъ. Но на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ творенія болѣе грандіознаго. Великая стѣна точно соревнуеть съ природными ограниченіями Китая и кажется такой же неприступной, какъ океанъ и горы. Она тянется на тысячи верстъ, взбирается на отвѣсныя кручи, идетъ по краямъ пропастей, спускается въ глубокія ущелья и, издали, своими зубьями точно врѣзается въ небо. За стѣной, океаномъ, горами тоже живутъ люди. Но то — варвары. Просвѣщенный народъ — одинъ: китайскій.

Двадцать пять вѣковъ назадъ, за пять столѣтій до рожденія Христа, въ Китаѣ жилъ и училъ святой мудрецъ Кунъ. Учитель Кунъ—Кунъ-цзы—не былъ пророкомъ и не создалъ религіозной системы. О Богѣ, Небѣ и смерти онъ зналъ мало. «Когда не знаешь, что такое жизнь, — говорилъ онъ — какъ знать, что такое смерть». Онъ училъ, какъ жить на землѣ и какъ управлять государствомъ. Но было его ученье такъ мудро, было оно омыто такимъ глубокимъ религіознымъ и моральнымъ чувствомъ, такъ отвѣчало оно душѣ китайскаго народа, что съ тѣхъ поръ и понынѣ весь китайскій народъ живетъ его ученьемъ. Другіе народы создали ученія болѣе вы-

*) «Совр. Записки», №№ 2, 4, 7, 9, 12, 14.

сонія. Ни одинъ народъ не воплотилъ своего ученія въ жизнь такъ совершенно, какъ сдѣлалъ это китайскій народъ. И ни одинъ народъ не слился со своимъ ученіемъ такъ безраздѣльно, какъ слился китайскій народъ съ ученіемъ святаго Куна.

Ученіе Куна не было его личнымъ твореніемъ. И онъ не былъ духовнымъ новаторомъ. Онъ только собралъ и претворилъ ученіе древнихъ и передалъ его потомству. Почти за вѣвъ тысячи лѣтъ до мудраго Куна жили святые государи Яо, Шунь и Юй. Своей жизнью они показали народу, какъ жить, какъ управлять государствомъ и какъ вести людей къ счастью. Кунъ-цзы только слѣдовалъ ихъ примѣру и проповѣдывалъ ихъ ученіе. Учить новому было бы для него святотатствомъ. «Чему можетъ научить тотъ, кто не опирается на ученіе древнихъ?» «Ученіе древнихъ неизмѣнно — само Небо авторъ его». «Я передаю ученіе древнихъ и не сочиняю ничего новаго; я вѣрю древнимъ и люблю ихъ». «Я, какъ пахарь, бросаю готовые зерна, не измѣняя ихъ, въ землю»^{*)}.

На устояхъ древности стоитъ Китай неизмѣнно болѣе 4.000 лѣтъ. Въ періоды цвѣтенія подымается на большія высоты. Въ періоды увяданія опускается низко. Весна и осень смѣняются другъ друга. Но, расцвѣтая и увядая, Китай только приближается къ древнему образу или удаляется отъ него. Движенія впередъ Китай не знаетъ. Идея «прогресса» ему не понятна. Современный Западъ устремленъ впередъ, упирается въ неизвѣстное будущее. Китай устремленъ назадъ, упирается въ ясное прошлое. Оттого Китай неизмѣримо устойчивѣе Запада. Оттого Китай до 20 вѣка не зналъ революцій. Были смуты, кровавыя смѣны династій, междоусобныя

^{*)} *Les quatre livres*, trad. par Couvreur. Ho Kien-fou. 1910.
Confucius. Les quatre livres, trad. par Panthier. Paris. 1921.
Kung-utse. Gespräche. Uebers. von Wilhelm. 1923.
Изреченія Конфуція, пер. Попова. Петербургъ, 1911.
Grube. Geschichte der chinesischen Literatur. 2 Ausg. Leipzig. 1909.

войны. Народъ возставалъ и свергалъ беззаконныхъ правителей. Но никогда никто не посягалъ на установленный Небомъ порядокъ. Революціонеры и реформаторы всегда были старовѣрами. «Новое Ученіе» всегда требовало возвращенія къ старому. «Бѣда современности — писалъ въ своемъ докладѣ императору Жень-дзун'у знаменитый реформаторъ 11 вѣка Вань-ань-ши — заключается въ несоблюденіи принциповъ древности». «Вы, Ваше Императорское Величество, должны подражать Яо и Шунь-ю»^{*)}. Знаменитый реформаторъ современности Кань-ю-вей, за свою приверженность ученію древнихъ, получилъ прозваніе: «современный Конфуцій»^{**}). И дал е социалистъ и революціонеръ Сунь-ятъ-сенъ заявлялъ: «моей постоянной цѣлью было возстановленіе стараго Китая»^{***}). Въ Китаѣ былъ только одинъ революціонеръ — величайшій императоръ Китая, Ши-хуанъ-ди — «Наполеонъ Дальняго Востока». Онъ разрушилъ старый феодальный Китай, объединилъ его въ одно централизованное государство и, чтобы искоренить память о прошломъ, сжегъ всѣ священныя книги и закопалъ въ землю живыми 460 ученыхъ: «Императоръ выше старины». Китай отомстилъ своему императору: священныя книги были возстановлены, ученые воскресли, а «Первый Императоръ» вошелъ въ исторію, какъ величайшій злодѣй^{****}).

На чемъ стоитъ Китай? Въ чемъ мудрость учителя Куня и святыхъ мужей древности? Въ чемъ «душа» китайскаго народа?

Миръ единъ и цѣлостенъ. Тао — основа міра. Тао — божественный разумъ, управляющій міромъ; вѣчный порядокъ міра и его мѣрное теченіе. Тао — безъ

*) Ивановъ. Вань-Ань-Ши и его реформы. СПб. 1909.

***) *Maubon*. La République Chinoise. P. 1914.

****) *Родъ*. Современный Китай. 1912.

*****) *R. Wilhelm*. Chinesische Lebensweisheit. Darmot. 1922.
Ma'kay. China, die Republik der Mitte. Berl. 1914.

звука и запаха. Но оно сообщает о себѣ тысячами знаковъ, являеть себя въ смѣнѣ времянь. Путь міра — праведная середина; смыслъ міра — вѣчная гармонія. «Когда середина и гармонія совершенны, тогда Небо и Земля стоятъ твердо, и всѣ существа счастливы». Волны мировой гармоніи омываютъ землю и человѣчество. Ибо Тао распадается на два начала: мужское, воплощенное въ Небо, и женское, воплощенное въ Землю. Небо и Земля производятъ «10.000 вещей» — «все на свѣтѣ». Человѣчество — нераздѣльная часть Тао. Законы Тао — его законы. Тао человѣчества — путь, направляемый въ соответствии съ Тао міра. Когда человѣчество идетъ этимъ путемъ, оно счастливо*).

Государство — форма человѣчества. Вести государство могутъ только совершенные люди. Ибо, какъ Земля подчиняется Небу, такъ государство управляется Небесной волей. Но «Небо не говоритъ — оно возвѣщаетъ свои мысли черезъ людей». Потому избираетъ Небо совершеннаго человѣка и поручаетъ ему вести человѣчество по пути праведной середины. Кто избранъ Небомъ и несетъ въ себѣ «Небесныя мысли», — посредникъ между Небомъ и Землею, между Небомъ и человѣчествомъ. Въ немъ воплощается Небесное Тао и отъ него исходить оно на людей. Потому избранный Небомъ — «Смысль Неба» и «Святой наверху». «Святой владыка сидитъ высоко на тронѣ; Небо покрываетъ его; Земля несетъ его».

Царство Сына Неба — вся земля. Подданные его — все человѣчество. Ибо «Небо не имѣетъ двухъ солидъ. Народъ земли не имѣетъ двухъ Императоровъ». Потому владѣніе Императора — «что есть подъ небомъ». Потому Китай — «Поднебесная имперія». Для Сына Неба «гѣтъ

*) J. de Groot. *Universismus*. Berlin. 1918.

Groot. *Die Religionen der Chinesen*. (Die Religionen des Orients. Die Kultur d. Gegenwart. 1913).

Deussen. *Geschichte der Philosophie*. B. I. 3 Abt. 1920.

Granet. *La religion des Chinois*. Paris. 1922.

заграницы». Есть внутреннія и внѣшнія области, равно подвластныя. Гдѣ Сынъ Неба сидитъ на тронѣ, тамъ центръ земли, сердце государства. «Сердце всего, въ предѣлахъ морей, покоится у Сына Неба; народы, въ предѣлахъ ихъ областей, зависятъ отъ вассальныхъ князей». Потому центральная область правителя — Чжунъ-Го — «Серединное царство». Куда «поученія» Сына Неба доходятъ и гдѣ приказы Неба выполняются, тамъ «внѣшнія области». Куда свѣтъ поученій не доходитъ, тамъ варварскія страны. Но между «Великимъ и чистымъ государствомъ» и варварскими странами нѣтъ непереходимой границы. Понятія націи и расы для китайцевъ, морально, не существенны. Когда свѣтъ культуры распространится на варварскія страны, всѣ области земли будутъ равноцѣнны. Ибо «для святого человѣка весь міръ, какъ одна семья». И «всѣ люди въ предѣлахъ 4 морей — наши братья». Идеи мірового единства и мірового гражданства — устои древней китайской мудрости*).

Августѣйшій Императоръ — намѣстникъ Неба на Землѣ. Царь, Небо и Земля — Тронца. Все, что исходитъ отъ царя, исходитъ отъ Неба. Его приказы — Небесные приказы. Его министры — Небесные министры. Его государственныя дѣла — Небесные труды. Министерства, завѣдующія управленіемъ, носятъ названія: Неба, Земли, Весны, Лѣта, Осени, Зимы; ибо они управляютъ міромъ**). Потому его тронъ стоитъ на Небесной высотѣ. Разстояніе между нимъ и людьми велико, какъ разстояніе между Землею и Небомъ. «Какъ Небо наверху, Земля внизу, такъ царь и подданные». Царю поклоняются, какъ Богу въ храмѣ. Когда появляется царь, простые подданные и министры трижды падаютъ на колѣни

*) *Franke. Studien zur Geschichte des Konfuzianischen Dogma u. der chinesischen Staatsreligion. 1920.*

Franke. Ostasiatische Neubildungen. 1911.

**) *Franke. Die Verfassung und Verwaltung Chinas. (Allgemeine Verfass. u. Verwaltungsgesch. Kult. d. G.). 1911.*

и девять разъ удариють лбомъ землю. Высшіе чиновники простираются передъ пустымъ царскимъ трономъ и царскимъ зонтикомъ изъ желтаго шелка. Въ провинціи губернаторы, получая посланія царя, курятъ фиміамъ и простираются ницъ въ направленіи къ Пекину*). Само Небо не внушаетъ «Сынамъ Ханя» такого священнаго благоговѣнія и трепета, какъ ихъ святой Императоръ. — Императоръ — Сынъ Неба. Небо — его отецъ. Только сынъ можетъ молиться отцу и приносить ему жертвы. На землѣ есть только одинъ человѣкъ, который молится за всѣхъ людей Небу и приносить «Великія жертвоприношенія». Жертвенникъ Неба, въ резиденціи Императора, — величайшій жертвенникъ міра. И обрядъ принесенія жертвы Небу — одинъ изъ самыхъ величественныхъ въ исторіи человѣчества. Царь проситъ Небо о благоденствіи Земли, о мирѣ и покоѣ для народа. Только по порученію Первосвященника - Императора приносятъ въ провинціи «Среднія жертвы» его замѣстители. Жертвы третьей степени — «всѣ жертвы» — приносятъ чиновники-священники самостоятельно**). — Власть Императора надъ жителями земли, данная ему Небомъ, — безгранична. Онъ можетъ вступить въ любую область жизни его подданныхъ и не встрѣтитъ возраженія. Онъ можетъ взять жизнь и имущество подданныхъ, и тѣ безропотно отдадутъ ихъ, «счастливые пить росу царскаго благоволенія». Начальники служатъ царю, какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ; подданные повинуются царскимъ начальникамъ, какъ эхо отвѣчаетъ голосу. На землѣ нельзя мыслить властителя, болѣе могущественнаго, чѣмъ Императоръ, «у ногъ котораго всѣ». Такимъ и показался въ 13-мъ вѣкѣ западному путешественнику Марко Поло китайскій Императоръ Кубилай, *de grant seigneur des seigneurs empereour*: «C'est le plus puis-

*) E. Reclus. *L'empire du Milieu*. Paris. 1902.

**) Stübe. *Das Zeitalter des Confucius*. Tübingen. 1913.

sant homme de gens et de terres et de tresors qui onques fust au monde, ne qui orendroit soit, du temps de Adam, votre premier pere, jusques aujourd'ui»*)).

Но удивительно: взглядываясь въ лицо Императора — Намѣстника Неба и могущественнѣйшаго изъ людей, не видишь въ немъ выраженія величія и силы. Скорѣе, выраженіе смиренія и жертвенности. Сознаніе безграничной власти подавляется сознаніемъ безмѣрной отвѣтственности. И, дѣйствительно, отвѣтственность Императора безмѣрна. Ибо, что долженъ сдѣлать онъ? — Онъ долженъ осуществить Тао Неба на землѣ; долженъ управлять государствомъ въ созвучіи съ міровой гармоніей; долженъ вести людей къ счастью и совершенству. Что будетъ, если онъ не выполнитъ даннаго ему Небомъ порученія, если онъ нарушитъ Законъ? — Несчастье обрушится не только на землю и человѣчество — поколеблено будетъ Тао міра, нарушена міровая гармонія, извращенъ праведный путь середины. Ибо человѣчество — часть вселенной. И путь вселенной обозначенъ знакомъ добра. Когда пастырь человѣчества совершаетъ беззаконіе, вселенная приходитъ въ содроганіе. Потому, съ великимъ трепетомъ и смиреніемъ относится Императоръ къ возложенной на него миссиі. Знаетъ, что каждый его несправедный шагъ ведетъ къ неисчислимымъ бѣдамъ. Говоритъ о себѣ униженно: «Я, послѣдній изъ людей»; «я, слабый, какъ малое дитя». Гордыня западнаго самодержца: «Государство — это я», «Воля государя — высшій законъ», звучала бы для Сына Неба кощунственно. Нѣтъ у Императора своей воли. Есть только воля Неба, которую онъ выполняетъ. Для обозначенія понятія царь, властелинъ, въ китайскомъ лексиконѣ есть выраженіе *самодержавный*, но оно означаетъ другое: кто можетъ владѣть собою**). Ибо только полнымъ самогра-

*) *Le livre de Marco Polo*, publié par Pauthier. T. I, II. Paris. 1865.

***) *Dvořak. Confucius und seine Lehre*. Munster. 1865.

наченіемъ, крайнимъ нравственнымъ напряженіемъ можетъ Императоръ достичь той высоты, которая нужна для выполненія царственнаго подвига. Подлинная квалифікація Императора всегда моральная. Въ комментаріи къ титулу Хуанъ-ди — «Августѣйшій Императоръ» сказано: и «Тотъ, кто обладаетъ совершенной добродѣтелью и способенъ дѣйствовать по Божественнымъ правиламъ»; «Безконечный въ совершенномъ знаніи и добродѣтели». Когда Императоръ добродѣтеленъ, и пути его управленія праведны, человѣчество, земля и вся вселенная пребываютъ въ покоѣ и благой гармоніи. Но, если добродѣтель Императора ослабѣла, и управленіе не слѣдуетъ законамъ Неба, тогда міровой порядокъ нарушается, и Небо посылаетъ предостерегающія знаменія. Наводненіе, засуха, народныя бѣдствія, смуты въ государствѣ — знаки небеснаго недовольства. И народъ, и самъ царь знаютъ, что главная вина на царѣ, и что первымъ отвѣчаетъ онъ. «Холодно ли народу — говорилъ императоръ Ю — я причина этому; голоденъ ли онъ — это моя вина; попалъ ли онъ въ бѣду — меня надо за это обвинять». «Я одинъ виноватый — говорилъ Императоръ Чэнь-танъ въ разговорѣ о бѣдствіяхъ государства — я одинъ и долженъ быть принесенъ въ жертву». Императоръ уединяется, постится, налагаетъ на себя молчаніе, ошущается духовно и физически; милуетъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти, запрещаетъ убивать животныхъ. И, прежде всего, смиренно и публично кается. 28 декабря 1911 года, наканунѣ революціи, когда въ государствѣ уже кипѣла смута, Императоръ издалъ эдиктъ, въ которомъ писалъ: «Мои грѣхи — причина происшествій. Сямъ оновѣщаю міръ: я клянусь и обѣщаюсь исправиться, буду способствовать благу народа, буду бороться со зломъ... Сожалѣю о моихъ ошибкахъ и глубоко каюсь*»). Но раскаяніе приходитъ порой

*) Witte. Ostasien und Europa. Tubingen. 1914. *

слишкомъ поздно. Часто бываетъ неискреннимъ. Беззаконія продолжаются. Тогда Небо лишаетъ царя своей милости и отнимаетъ у него царство. Ибо «милость Неба не легко сохранить. Нельзя слишкомъ полагаться на Небесную доброту». «Порученіе Неба не дано царю навѣки... Если царь творить добро, онъ сохраняетъ царство; если царь творить зло, онъ теряетъ его». Кто исполняетъ рѣшеніе Неба — вассальный князь, чужеземецъ или народъ — не существенно. Важно, что царь лишается трона по волѣ Неба. «Не я, малый ребенокъ, хочу возставать — говорилъ Чанъ-ганъ своимъ войскамъ, подымая возстаніе противъ династїи Ся — но этого хочетъ Небо, постановившее гибель Императора за преступленія, имъ совершенныя... Смѣю ли я откладывать исполненіе Божественнаго правосудія». — Такова судьба Императора. Избранный Небомъ на тронъ за то, что онъ самый мудрый и самый совершенный изъ людей, онъ лишается трона, если Небесная миссія оказывается для него непосильной. Божья милость, для Сына Неба, есть, прежде всего, отвѣтственность передъ Богомъ за все твореніе. Если мїръ страдаетъ, Императоръ приноситя въ жертву*).

Какъ вся жизнь Императора, такъ и его отношенія съ народомъ опредѣляются законами Неба. Въ управленіи государь все. Государь и государство — понятія совпадающія. Вся власть принадлежитъ Небу и черезъ него его земному наслѣднику. У народа нѣтъ правъ и не можетъ ихъ быть въ отношеніи къ святому Владыкѣ. Участіе народа во власти разрушило бы порядокъ мїра. Идея, что народъ самъ себя ставитъ законъ, съ китайской мудростью несовмѣстима. Законъ ставить не народъ и не царь. Законъ данъ Небомъ и данъ имъ навѣки. Царь

*) *Cheu-King*, trad. par Couvreur. Ho Kien-fou. 1896.

Cheu-King. Trad. par Couvreur. Ho Kien-fou. 1897.

Keiserling. Das Reisetagebuch eines Philosophen. B. II. 4 Aufl. 1920.

только трепетно его выполняет. Потому Китай, въ теченіе тысячелѣтій, зналъ одну форму правленія — руководимую Небомъ монархію. Республика и демократія пришли черезъ 40 вѣковъ послѣ утвержденія священнаго порядка и пришли съ варварскаго и безбожнаго Запада. Изъ мудрости древнихъ онѣ выйти не могли. — Но, если вся власть у царя, это не значить, что, въ Поднебесной Имперіи, народъ не имѣетъ значенія. Справедливо обратное. «Народъ — основа государства». «Въ государствѣ — народъ главное; государь — самое послѣднее». «Небо создастъ народъ не ради царя, но оно ставитъ царя ради народа». Ибо народъ Поднебесной Имперіи — все человѣчество. Человѣчество — третья великая сила вселенной, наряду съ Землею и Небомъ. Между великими силами вселенной есть таинственная связь. Небо и Земля, Небо и человѣчество отражаютъ другъ друга. Государь поставленъ Небомъ, чтобы вести народъ въ гармоніи съ міромъ. Но онъ можетъ это сдѣлать только тогда, если онъ, служа Небу, отдаетъ себя на служеніе народу, если онъ будетъ любить народъ, какъ отецъ и мать любятъ свое дитя, если онъ найдетъ путь въ сердцу народа и приобрѣтетъ его любовь.

«Тотъ государь внушаетъ радость,
Кто отецъ и мать для народа».

«Приобрѣти любовь народа, и ты приобрѣтешь царство.
Потеряи любовь народа, и ты потеряешь царство».

«Судьба государя зависитъ отъ Неба, а воля Неба въ народѣ. Если государь приобрѣлъ любовь народа, Всевышній будетъ смотрѣть на него съ благоволеніемъ и укрѣпитъ его тронъ; но, если онъ потеряетъ любовь народа, Всевышній будетъ смотрѣть на него съ гнѣвомъ, и онъ потеряетъ свое царство». Какъ приобрѣсти любовь народа? Гдѣ путь въ его сердцу? — Путь одинъ: что народъ любитъ, любить; что народъ ненавидитъ, ненавидѣть; знать, чего хочетъ народъ; потому, слушать

голосъ народа. Ибо голосъ народа — голосъ Неба; воля народа — воля Неба. «Небо видитъ — черезъ мой народъ видитъ оно. Небо слышитъ — черезъ мой народъ слышитъ оно. Судь народа — судь Неба». «Небо слышитъ ушами народа; Небо видитъ глазами народа. Небо наказываетъ и награждаетъ, что народъ считаетъ достойнымъ награды и наказанія. Есть связь между народомъ и Небомъ. Пусть тѣ, кто управляетъ народами, будутъ внимательны». И, дѣйствительно, государь напрягаетъ вниманіе, чтобы услышать голосъ народа. Народу данъ полный просторъ, чтобы составить свободное мнѣніе и чтобы громко о немъ заявить. Формула русскихъ славянофиловъ: царю — власть, народу — мнѣніе, проведена, въ Серединной Имперіи, въ жизнь до конца. Нигдѣ въ мірѣ народъ не высказываетъ такъ свободно своего мнѣнія, и нигдѣ въ мірѣ общественное мнѣніе, въ такой мѣрѣ, не опредѣляетъ поведенія власти. Уже столѣтія Китай не знаетъ ограниченій слова, печати, собраній. Нѣтъ цензуры. Не требуется полицейскаго разрѣшенія для устройства собраній. Собираются, гдѣ хотять, и говорятъ, что думаютъ. Когда критика направлена противъ власти, власть отвѣчаетъ. Въ 18 в. вышла книга, направленная противъ Манчжурской династіи. На нее отвѣтилъ книгой самъ Императоръ*). Въ свободѣ слова правительство видитъ не угрозу власти, а наиболѣе безопасный выходъ для народнаго недовольства. «Закрывать народу ротъ опаснѣй, чѣмъ задерживать воду; если запрудить воду, разольется она и еще больше навредитъ людямъ; потому, какъ рѣкѣ расширяютъ ложе, такъ народу надо давать говорить». Когда общественное мнѣніе сложилось, правительство не смѣетъ ему противиться. Формула общественного мнѣнія: «Минь-цинъ-бу-фу» — «народное чувство не мирится съ этимъ» — звучитъ для власти, какъ рѣ-

*) *Wassiljew*. Die Erschliessung Chinas. Bearb. von Stübe. Mit Beiträgen von Conrady. Leipzig. 1909.

шеніе Неба*). «Святой правитель не имѣеть неизмѣннаго мнѣнія; мнѣніе народа онъ дѣлаеть своимъ». Власть, мудрая тѣкучеелѣтнимъ опытомъ, знаетъ, что протривиться опредѣлившейся волѣ народа — опасно и безцѣльно. «Когда весь народъ гнѣвается, сопротивленіе невозможно. Чего хочеть одинъ, то не удаеться; протривиться народу — приносить несчастье». Въ неписанной конституціи китайской монархіи народу дано право, котораго не знаетъ ни одна западная демократія: право возстанія, право тираноубійства. Въ священномъ четверокнижій сказано: «Берегитесь, берегитесь! что исходить отъ васъ, то вамъ и возвратится. Теперь наступилъ для народа часъ воздаянія. Государь, не вините его». «Кунъ-цзы сказалъ: есть только два пути — добра и насилія. Если правитель угнетаетъ свой народъ, онъ самъ будетъ убитъ, и государство погибнетъ». Царь Сюань спросилъ у Мэнъ-цзы, правда ли, что У-ванъ убилъ императора Чжоу; и можетъ ли подданный убить своего государя. Мэнъ-цзы отвѣтилъ: «кто нарушаетъ добродѣтель, называется злодѣемъ, кто нарушаетъ справедливость, называется преступникомъ. Злодѣи и преступники — люди отверженные. Я слышалъ, что У-ванъ убилъ отверженнаго человѣка Чжоу; я не слышалъ, чтобы убили государя». — Таковы отношенія между Императоромъ и народомъ. Въ конечномъ счетѣ, Императоръ склоняется передъ народомъ, власть передъ мнѣніемъ. И это понятно. Ибо все зданіе китайской государственности построено на фундаментѣ Тао. Ибо Тао міра — не сила, а добро и гармонія**).

Вѣрой въ добро и гармонію пронизана вся сфера государственнаго управленія. Государственное управленіе Китая противоположно западному. Западное управ-

*) *Поповъ*. Государственный строй Китая. СПб. 1903.

***) *Mong-dsi*. Uebers. von Wilhelm. Jena. 1921.

Мэнъ-цзы, переводъ Попова. С. Пет. 1904.

Plath. Verfassung u. Verwaltung Chinas unter den drei ersten Dynastien. Munchen. 1865.

Ku-Hung-Ming. Chinas Verteidigung gegen Europ. Ideen. 1917.

леніе покоится на законѣ и правѣ. Право и законъ ограждаются судомъ и мѣрами наказанія. Орудіе управленія — полиція и войско. Характеръ управленія — формальный, принудительный и жестокой. Иначе въ Китаѣ. Право, законъ, судъ, полиція, войско — явленія, соціально малозначительныя. Право — одно изъ наименѣ развитыхъ въ средѣ цивилизованныхъ народовъ. Собраніе законовъ — случайный наборъ царскихъ указовъ и распоряженій. Судъ — неавторитетный. Граждане избѣгаютъ суда и предпочитаютъ третейскія рѣшенія. Суды часто носятъ надписи: берегитесь процессовъ*). Полиціи почти не существуетъ. Войско численностью не превышаетъ арміи небольшого европейскаго государства. Военное сословіе презираемо. Народная пословица говорить: «не дѣлаютъ гвоздей изъ хорошаго желѣза, солдатъ изъ честныхъ людей». Государственный порядокъ покоится на иномъ. Китайская мудрость исходитъ изъ вѣры въ человѣка, изъ вѣры въ добро и любовь. Человѣкъ, по природѣ, добръ. «Человѣческая природа стремится къ добру подобно тому, какъ вода стремится внизъ». «Любовь къ людямъ — это сердце человѣка, справедливость — это путь человѣка». «Доброта побѣждаетъ злобу, какъ вода побѣждаетъ огонь». Потому, не нужно законовъ, не нужно наказаній, не нужно принужденія. «Государи старыхъ временъ, когда случались происшествія, обходились распоряженіями. Они не издавали судебныхъ уложеній: они боялись, что народъ станетъ спорливымъ... Я слышалъ, когда государства идутъ къ гибели, тогда у нихъ много законовъ». «Святые мужи — говорилъ Кунъ-цзы о времени пяти царей — установили пять наказаній, какъ плотины противъ преступленій, но они ихъ не примѣняли въ жизни, и въ этомъ заключалась возвышенность ихъ правленія». На вопросъ, надо ли казнить наруши-

*) Rosthorn. Das sociale Leben der Chinesen. Leipzig. 1919

телей закона, Кунь-цаи отвѣтили: «Когда Вы управлѣете народомъ, зачѣмъ Вамъ нужна смертная казнь? Если Вы добры, тогда и народъ добръ. Добродѣтель правителя — вѣтеръ, добродѣтель народа — трава. Когда вѣтеръ проносится надъ травой, трава склоняется». Задача мудраго управленія — въ томъ, чтобы народъ, безъ принужденія, по внутренней склонности, подчинялся волѣ правителя. Это возможно, когда народъ нравственно воспитанъ и дисциплинированъ, когда душа народа гармонична и уравновѣшена. И для этого надо, чтобы правитель былъ морально совершененъ, чтобы онъ любовью и праведнымъ примѣромъ указывалъ путь народу. Главная задача власти — не законодательство; судъ и управленіе; главная задача власти — молитвы и жертвоприношенія, поученія и проповѣди, церемоніи, правила поведенія, музыка. Правила поведенія — *ли* — и музыка играютъ большую роль въ системѣ китайскаго управленія. Священные книги даютъ точныя указанія, какъ вести себя во всѣхъ случаяхъ жизни — большихъ и малыхъ. Кодексъ обязанностей — личныхъ, семейныхъ, государственныхъ — извѣстенъ каждому гражданину съ малыхъ лѣтъ, и ему слѣдуютъ, какъ закону природы. По понятіямъ Запада, природный законъ неизмѣненъ, моральному закону слѣдуютъ добровольно. По китайскимъ понятіямъ обратно: законъ природы можетъ быть нарушенъ, моральный законъ — никогда. Потому, *ли* — правила морали, добраго поведенія, приличія, обряды, церемоніи — главное въ жизни. Когда человѣкъ знаетъ *ли* и примѣняетъ ихъ въ жизни, онъ совершененъ. Ибо совершенный человѣкъ — тотъ, кто гармонично сливаетъ внутреннее съ вѣшнимъ; кто красоту души умѣетъ соединить съ вѣжливымъ поведеніемъ и правильнымъ выполненіемъ обрядовъ. «О, какъ великъ законъ долга для добродѣтельнаго человѣка! Это океанъ безбрежный!... О, какъ онъ обиленъ и обширенъ! онъ заключаетъ въ себѣ триста правилъ морали и три тысячи пра-

виль приличія». «Мудрецъ сказалъ: не смотрите ни на что въ противность обрядамъ; не слушайте ничего въ противность обрядамъ; не говорите ничего въ противность обрядамъ; не дѣлайте ничего въ противность обрядамъ»^{*)}). Когда правила поведенія и обряды выполняются, роль правителя легка, и управление мало замѣтно. Всѣ знаютъ свои обязанности, и все дѣлается само собой. Ли — орудіе управленія болѣе тонкое и совершенное, чѣмъ грубое орудіе законовъ и наказаній. — Такое же назначеніе имѣетъ музыка. Музыка — отзвукъ міровой гармоніи. Музыка успокаиваетъ человѣческія страсти и помогаетъ людямъ достигъ праведной середины. Поэтому мудрые правители распространяютъ и совершенствуютъ музыку и музыкой управляютъ народомъ: «Если государь любитъ музыку, государство близко къ совершенству». — Когда правила поведенія народомъ усвоены и примѣняются въ жизни, когда музыка привела въ равновѣсіе душу народа, когда добрыя поученія научили народъ, какъ жить, что долженъ еще дѣлать правитель въ отношеніи народа? — Ничего или какъ можно меньше. Не управлять, не вмѣшиваться въ жизнь народа, воздѣйствовать на народъ только примѣромъ своей праведной жизни. Идеаль китайскаго управленія — недѣланіе, невмѣшательство. Тао міра — гармонія и середина. Когда царь добръ и народъ живетъ въ созвучіи съ Тао, онъ самъ собой движется по пути середины и гармоніи. Тогда управленіе излишне. Вотъ почему идеальные правители — святые государи Яо и Шунь: они не управляли, ибо ихъ праведный примѣръ былъ достаточенъ, чтобы народъ жилъ совершенно. Яо тайно путешествовалъ по странѣ; однажды онъ услышалъ пѣснь крестьянина:

«Съ восходомъ солнца я встаю и принимаюсь за работу,
Съ закатомъ его иду на отдыхъ.

^{*)} Вл. Соловьевъ. Китай и Европа. Собр. Соч. т. 6.

Выкопаль колодець и пью изъ него;
 Пану землю и питаюсь.
 Милость властелина — зачѣмъ она мнѣ?

Обрадованный Яо сказалъ окружающимъ: «Можно надѣяться, что мое управленіе не ужасно, если народъ его совѣмъ не замѣчаетъ». То же и Шунь: «Онъ распустилъ свои одежды, сложилъ вмѣстѣ руки, не дѣйствовалъ, и государство было въ порядкѣ».

«Потому говорить святой:

Я не дѣйствую, и народъ движется самъ собою;
 Я люблю тишину, и народъ идетъ по правому пути:
 Я ничего не предпринимаю, и народъ богатъ;
 У меня нѣтъ желаній, и народъ чистъ душою»^{*)}).

Но, для того, чтобы народъ достигъ такого праведнаго состоянія, надо, чтобы правитель, воистину, былъ совершененъ. Только совершенство китайскаго правителя не однозначуще съ совершенствомъ правителя Запада. Правитель Поднебесной Имперіи не долженъ быть геніальнымъ военачальникомъ, не долженъ оружіемъ покорить міръ, не долженъ быть олицетвореніемъ воли и силы, имѣть орлиный взглядъ и царственную осанку. Александръ Великій, Цезарь, Наполеонъ — Китаю чужды и непонятны. Совершенный правитель Китая иной. Его достоинства — только моральнаго порядка. Онъ долженъ быть добрымъ, милосерднымъ, имѣть сердце, полное любви къ людямъ; казаться скорѣе слабымъ, чѣмъ сильнымъ, скорѣй покорнымъ, чѣмъ властнымъ. Тогда онъ можетъ управлять государствомъ и, не боясь Небеснаго гнѣва, сидѣть на Драконовомъ тронѣ. Тогда онъ будетъ «подобенъ Сѣверной звѣздѣ. Она недвижима на своемъ мѣстѣ, и всѣ звѣзды движутся вокругъ нея».

^{*)} *Laotse. Tao te King. Uebers. von Wilhelm. Iena. 1923.*

Ибо «только добрый человекъ долженъ занимать царское мѣсто». Ибо драконъ — символъ доброты, а не жестокости.

Царь Сюань спросилъ у Мэнь-цзы: «Какими добродѣтелями долженъ обладать государь, чтобы хорошо управлять государствомъ?»

Мэнь-цзы отвѣтилъ: онъ долженъ любить, беречь народъ. Тогда никто не будетъ ему противиться.

Царь спросилъ: можетъ ли такой человекъ, какъ я, любить и беречь народъ?

Вы можете, отвѣтилъ Мэнь-цзы. — Почему Вы знаете, что я могу? — спросилъ царь.

Мэнь-цзы сказалъ: я слышалъ отъ Ху-хе такой разсказъ: Вы, государь, сидѣли, въ тронномъ залѣ. Въ то время, внизу, проходилъ человекъ, ведя на веревкѣ быка. Вы спросили: куда ты ведешь быка? — Тотъ отвѣтилъ: быка надо убить, чтобы помазать его кровью колоколь. — Вы сказали: оставь его; я не могу видѣть его трепета, какъ будто это былъ невинный человекъ, котораго ведутъ на казнь... — Я не знаю, правда ли это было такъ.

Царь отвѣтилъ: это было такъ.

Мэнь-цзы сказалъ: такое милосердіе достаточно, чтобы управлять государствомъ».

Такова система китайскаго управленія. Не всегда она примѣнялась въ жизни. Не всѣ государи походили на Яо и Шуня. Были государи злые и воинственные. Были эпохи, когда управленіе было жестокимъ и насильственнымъ, когда произволь и беззаконіе царили въ государствѣ. Въ особенности это было такъ въ послѣдній вѣкъ китайской исторіи — вѣкъ величайшаго упадка и униженія. И, все таки, зданіе китайской государственности покоилось на иномъ. Оно выросло на устояхъ человечности, доброты и милосердія. Не было писаной государственной конституціи, не было защищенныхъ судами правъ личности, не было твердыхъ и ясныхъ за-

коновъ, не было принудительнаго аппарата властвованія. Зато была чистая моральная атмосфера, удивительная воспитанность гражданъ, любовное вниманіе правителя къ народу, довѣріе народа къ своему правителю. Жизнь утверждалась не правовыми нормами и уголовнымъ кодексомъ, а моральнымъ ученіемъ и священными книгами. Граждане строили жизнь по издревне установленнымъ правиламъ, точно исполняли свои обязанности и рѣдко обращались къ государству. Государство поучало, молилось, приносило жертвы, наблюдало за порядкомъ и общественнымъ равновѣсіемъ и вмѣшивалось въ жизнь гражданъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда порядокъ былъ нарушенъ и равновѣсіе жизни утеряно. Вмѣшивалось не для того, чтобы подавить и принудить; вмѣшивалось, чтобы убѣдить, примирить противорѣчія, согласить борющіяся стороны, возстановить утерянное равновѣсіе. Компромиссъ, равновѣсіе, середина — пути китайскаго управленія. И результаты, которыхъ оно достигало на этихъ путяхъ, были по истинѣ удивительны. Нигдѣ въ мірѣ не было такой тишины и спокойствія, какъ въ священной китайской имперіи. Нигдѣ въ мірѣ моральная культура общества не достигала такой уточенности и напряженія. Нигдѣ въ мірѣ граждане не пользовались такой свободой и независимостью, и государство не было такъ мало стѣснительно. И нигдѣ въ мірѣ не было столько довольства и счастья и такой атмосферы легкости и ласки. И это все оттого, что и земля и государство Китая омываются волнами міровой гармоніи; оттого, что Китай тысячелѣтія живетъ въ созвучіи съ Тао*).

Если спросить европейскаго политика, можно ли

*) *Sieou Tsin Tai. Le pacifisme de la Chine. Paris. 1922.*

Plath. Gesetz und Recht im alten China nach chinesischen Quellen. (Abhandl. der Philos. - Philolog. Klasse der Bayerischen Akademie d. Wissensch. B. X. 3 Ab. Munchen. 1866.

Hirth. Th ancient history of China. New York. 1908.

на устояхъ китайской мудрости построить большое и благоустроенное государство, онъ, не колеблясь, отвѣтитъ отрицательно. Европейскій политикъ знаетъ душу «человѣка». Знаетъ, что главная страсть человѣческой души — любовь къ себѣ, «личный интересъ». Знаетъ, что, внѣ этой страсти, нельзя побудить человѣка къ упорному труду и напряженному творчеству. Знаетъ, что для того, чтобы эта страсть не перелила черезъ край и не привела къ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, нужны плотины — право, законы, конституціи — и сильная власть для охраны плотинъ. И онъ правъ: ибо душа западнаго человѣка такова, и съ такой душой иной государственности построить нельзя. Онъ не знаетъ лишь одного: что западный человѣкъ и «человѣкъ вообще» — не однозначущи. Что «человѣка вообще» еще нѣтъ и, можетъ быть, никогда и не будетъ. Что, кромѣ человѣка Запада, есть человѣкъ Востока, и что душа человѣка Востока такъ же сложна и глубока, какъ человѣка Запада, но только иначе настроена. И оттого, что онъ этого не знаетъ, онъ не знаетъ Востока и не понимаетъ восточной государственности. Оттого, китайское государство стоитъ 4.000 лѣтъ, обнимаетъ четвертую часть человѣчества и кажется Западу смѣшнымъ и таинственнымъ призракомъ.

Соціальное зданіе Китая такъ же неповторимо, какъ неповторимы форма и характеръ государственнаго управленія. Соціальное зданіе Запада устремлено кверху. Соціальныя пласты положены одинъ на другой. Разстояніе между верхними и нижними пластами огромно. Строеніе общества, по существу, глубоко аристократично. Теченіе исторіи мѣняетъ внѣшнія очертанія соціальнаго зданія. Низшіе слои пробиваются наверхъ. Несвободные — рабы, крѣпостные — освобождаются; знатные — дворяне, духовные — теряютъ соціальное значеніе. Зданіе осѣдаетъ и становится болѣе плоскостнымъ. И все таки, даже въ эпоху демократіи, соціальное разслоеніе обще-

ства огромно, и равенство гражданъ формально и призрачно. — Иначе въ Китаѣ. Китайская архитектура не цѣнитъ вертикальныхъ линій. Искусство строительства въ расчисленіи плоскостей. Войдя въ ограду двора или храма, зритель долго не замѣчаетъ центрального зданія; вниманіе поглощено красотой расчлененія территории — смѣной луговъ, деревьевъ, водъ и небольшихъ легкихъ зданій. То же и въ социальномъ строительствѣ. Соціальное зданіе горизонтально и плоско. Вертикальныхъ линій почти не замѣтно. Есть одинъ социальный пластъ — «народъ». Нѣтъ аристократіи — родовой знати и духовенства; почти нѣтъ буржуазіи и крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Низшіе слои — рабы, крѣпостные — давно исчезли или социальны ничтожны. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда Европа — за исключеніемъ южныхъ полуострововъ — была культурной пустыней, въ Китаѣ съ корнемъ была вырвана феодальная знать и уничтожено рабство. И съ тѣхъ поръ всякія попытки возсозданія родовой или даже владѣтельской знати радикально прекращались. Въ однослойномъ обществѣ существенно только одно дѣленіе: по профессіямъ. Есть группы земледѣльцевъ, кушцовъ, ремесленниковъ. Но, за исключеніемъ немногихъ профессій, всякій трудъ почетенъ, и профессиональное дѣленіе не создаетъ привилегированныхъ классовъ. Всѣ свободные граждане — «достоинные». Всѣ люди этически равны, а потому равны и политически. Ибо политика въ Китаѣ есть высшее выраженіе этики. Китайское общество — самое эгалитарное въ мірѣ. Свобода и равенство — устой китайской политической мудрости*).

Но, если китайское общество — однослойное и эгалитарное, это не значитъ, что въ немъ нѣтъ являющейся группы и что чувство іерархіи ему неизвѣстно. Напро-

*) *Erkes*. China. Gotha. 1919.

Schuler. Geschichte Chinas. Berlin. 1912.

тивъ: въ китайскомъ обществѣ существуетъ правящая группа исключительнаго авторитета и значенія; и чувство іерархіи развито въ немъ, какъ нигдѣ. На вопросъ о правленіи Кунъ-цзы отвѣтили: «Государь будь государемъ, министръ — министромъ, отецъ отцомъ, сынъ — сыномъ». И, дѣйствительно, каждый китаецъ знаетъ свое общественное мѣсто и смотритъ на мѣсто болѣе высокое съ благоговѣніемъ и трепетомъ. Кто занимаетъ высокое мѣсто? — Лучшие. Правящая группа въ китайскомъ обществѣ — аристократія, въ подлинномъ значеніи этого слова. Не аристократія знати или владѣнія, а аристократія духа. Въ китайскомъ обществѣ происходитъ тщательный отборъ лучшихъ — людей напряженной духовности, даровитыхъ, талантливыхъ. И отобранные почти механически выносятся наверхъ и занимаютъ правящее мѣсто. Механизмъ отбора изумительный. По китайскимъ понятіямъ, вся мудрость — въ священныхъ книгахъ. Кто постигъ букву и духъ этихъ книгъ и до конца проникся священнымъ ученіемъ, тотъ совершенный человѣкъ. Совершенный человѣкъ, тѣмъ самымъ — правитель. Ибо священныя книги учатъ, прежде всего, тому, какъ управлять государствомъ; и управлять государствомъ значитъ осуществлять священное ученіе въ жизни. На зданіи Академіи въ Пекинѣ написано: «Здѣсь изучаются управлять государствомъ». У Мунъ-цзы сказано: «для ученаго государственная служба, что обработка земли для земледѣльца». Кто можетъ постичь священное ученіе и занять правящее мѣсто? — Избранные — люди исключительныхъ дарованій и исключительныхъ нравственныхъ качествъ. Ибо изученіе священныхъ книгъ — подвигъ жизни. Надо всю жизнь работать съ послѣднимъ напряженіемъ, стать «живой библіотекой» и пройти рядъ испытаній, въ каждомъ изъ которыхъ отбирается одинъ на сто. Отборъ производится такъ. Каждый даровитый ребенокъ, по правилу, посвящается ученію. Объ этомъ заботится не только семья, для ко-

торой нѣтъ большаго счастья, чѣмъ сдѣлать своего ребенка ученымъ; объ этомъ заботятся родственники, сосѣди и всевозможныя общественныя организаціи. Ученье — частное дѣло; испытаніе — государственное. Въ областныхъ городахъ каждые два года производятся испытанія на первую ученую степень. На эти испытанія являются сотни тысячъ молодыхъ людей. Каждый испытуемый помѣщается въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ въ теченіе многихъ дней долженъ писать работу на заданную тему. Напряженіе испытуемыхъ такъ велико, что бывають случаи смерти отъ истощенія. Получають ученую степень только немногіе, ибо количество вакансій ничтожно. Испытанія на вторую ученую степень производятся каждые три года въ главныхъ городахъ провинцій. И на эти испытанія являются десятки тысячъ людей и получаютъ ученую степень только сотни. Въ 1897 г. въ Шанхаѣ на 14 тысячъ испытуемыхъ было 150 удостоенныхъ степеней. И, наконецъ, въ столицѣ государства, разъ въ три года производятся испытанія на третью и послѣднюю степень цзинь-ши — «поступающаго на службу». Только эта степень даетъ служебное мѣсто. На сотни тысячъ учащихся ея достигаютъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Достигаютъ ученѣйшіе изъ ученыхъ, самые сильные духомъ, самые талантливые. Средній возрастъ испытуемыхъ третьей степени — 35 лѣтъ. Но часто къ испытаніямъ являются старшии 80 и даже 90 лѣтъ. Зато выдержавшіе послѣднее испытаніе — самыя почетныя лица въ государствѣ и истинные владѣтели Китая. Они носятъ особую одежду, пользуются почестями и привилегіями и занимають всѣ государственныя должности. Выдержавшіи первымъ испытанія женятся на дочери Императора и получаютъ должность министра или генераль-губернатора*). Потому, государственныя испытанія — мѣра соціальной оцѣнки. «Сколько испытаній Вы выдержали?»

*) *Simon. La cité chinoise. Paris. 1885.*

— обычный вопросъ незнакомому*). Чѣмъ выше ученая степень, тѣмъ выше социальное мѣсто, тѣмъ больше почета, власти и даже богатства. Ибо въ Китаѣ не богатство даетъ власть, а ученая степень и власть приносятъ богатство. — Не выдержавшіе испытаній и не получившіе государственныхъ должностей составляютъ могущественную группу китайской интеллигенціи. Они занимаютъ мѣста учителей, врачей, лекторовъ, нештатныя чиновничьи должности и почетныя должности въ деревенскихъ самоуправленіяхъ. Все общественное мнѣніе страны фактически опредѣляется ими. Ихъ вліяніе на народъ огромно. — Такова система отбора. Ея общественные результаты — изумительныя. На поверхность жизни подымается все, что есть выдающагося и талантливаго въ народѣ. И всѣ выдающіеся и талантливыя люди проходятъ такую школу ученія, которая подымаетъ ихъ на исключительную духовную высоту. Выдержавшіе всѣ ученія испытанія и занимающіе первыя должности въ государствѣ продолжаютъ, до конца жизни, напряженную духовную работу. Ибо цѣль жизни — достичь совершенства; стать «высшимъ», «благороднымъ», «царственнымъ» человѣкомъ. И, дѣйствительно, китайскіе ученые производятъ на европейцевъ впечатлѣніе самыхъ культурныхъ и совершенныхъ людей въ мірѣ. И обратно: китайскому интеллигенту европейскіе образованные люди кажутся духовно незрѣлыми и нравственно мало воспитанными. Неудивительно, что китайская интеллигенція пользуется въ народѣ, влюбленномъ въ ученіе, авторитетомъ, какъ ни одна интеллигенція въ мірѣ. Неудивительно, что китайская бюрократія, составленная изъ верховъ интеллигенціи — несмотря на численно ничтожный составъ и отсутствие аппарата принужденія — встрѣчаетъ со стороны населенія безусловное подчиненіе и съ легкостью,

*) *M. Weber*. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Tübingen 1920.

непостижимой для Запада, управляетъ 400 миллионнымъ народомъ. Китайскій народъ — однослойный и эгалитарный. Но во главѣ его стоитъ аристократія, равной которой — по духовной мощи и социальному значенію — не знаетъ исторія*).

Если бы социальное зданіе Китая слагалось изъ миллионныхъ отдѣльныхъ людей изъ «народа» и тонкой прослойки правящей интеллигенціи, оно неминуемо разсыпалось бы до основанія. Какъ ни удивительна дисциплинированность гражданъ, какъ ни высокъ авторитетъ интеллигенціи, на этихъ скрѣпахъ нельзя утвердить величайшаго зданія міра. Если нѣтъ социальныхъ пластовъ, положенныхъ другъ на друга и своей тяжестью утверждающихъ устойчивость зданія, нужны иныя социальныя дѣленія и иныя скрѣпы, стягивающія отдѣльныхъ людей въ прочныя единства. На это и направлена общественная мудрость китайцевъ. Китайцы — народъ, общественно, гениальный. Творческое вдохновеніе, устремленное у другихъ народовъ на развитіе личности или служеніе Богу, направлено у китайцевъ на праведное устройство общества. Смыслъ человѣческой жизни — служеніе общественному благу. Сущность священнаго ученія — объединеніе людей узами любви и взаимной отвѣтственности. За пять вѣковъ до рожденія Христа, повторяя слова древнихъ, Кунъ-цзы училъ: «Не дѣлай людямъ того, чего не желаешь, чтобы было сдѣлано тебѣ». На вопросъ: «есть ли такое слово, согласно которому можно было бы поступать всю жизнь?» — Кунъ-цзы отвѣтилъ: «Любовь къ ближнему. Чего не желаешь себѣ, не дѣлай другимъ». «Однажды учитель сказалъ: Не правда ли, Шень, мое ученіе сводится къ одному началу, которое охватываетъ все? Цзень-цзы отвѣтилъ: да. Когда учитель вышелъ, ученики спросили, что учитель хотѣлъ этимъ сказать. Цзень-цзы отвѣтилъ: ученіе нашего учителя

*) *Novelaque. La Chine. Paris. 1920.*

заключается въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ себѣ и любить другихъ, какъ самого себя». Величайшій философъ Китая Лао-цзы шелъ дальше: онъ училъ не противиться злу и воздавать за зло добромъ. Онъ говорилъ:

«Къ добрымъ я добръ,
Къ недобрымъ я тоже добръ,
Ибо жизнь — добро.
Вѣрнымъ я вѣренъ,
Невѣрнымъ и тоже вѣренъ,
Ибо жизнь — вѣрность».

Кунъ-цзы такъ далеко не шелъ. На вопросъ: «что нужно думать о томъ, кто воздастъ добромъ за зло? учитель отвѣтилъ: если вы воздадите добромъ за зло, чѣмъ же вы воздадите за добро? Надо воздавать справедливостью за обиду и добромъ за добро».

Общественное ученіе китайцевъ поражаетъ не только своей моральной высотой. Еще больше оно поражаетъ практической мудростью и жизненнымъ реализмомъ. Китайцы — реалисты и практики. Зачѣмъ провозглашать высокія истины, если онѣ не примѣняются въ жизни? И какъ примѣнять истины въ жизни, если онѣ непонятны среднему человѣку, миллионы которыхъ составляютъ народъ? Праведный путь для народа долженъ быть простъ и легокъ, но зато обязательнъ. На это и устремлена китайская мудрость. Любовь къ «ближнему» трудна и непонятна. Зато проста и естественна любовь къ близкимъ по крови и жизни. Люби отца и мать свою — основная заповѣдь китайской морали. Затѣмъ: люби дѣтей своихъ, братьевъ, друзей. И, дальше, сыновнія и братскія чувства распространяются на сосѣдей, согражданъ и все человечество*). — Основная ячейка Китая — семья. Связи, стягивающіяся членовъ, нерасторжимы. Можно разру-

*) *Ku Hung-Ming. Der Geist des chinesischen Volkes. Iena. 1917.*

шить китайское государство, разорвать все общественныя связи — если сохранится семья, Китай будетъ живъ. Ибо китайская семья, сама въ себѣ — маленькое государство. Есть правитель и подданные; есть судъ, гражданское управленіе и церковь. Правитель — отецъ. Отецъ — «Небо» семьи*). Члены семьи слушаются и почитаютъ его, какъ Небо. Отецъ — священникъ. Служеніе Небу и богамъ — дѣло государя и его чиновниковъ. Служеніе предкамъ — дѣло отца. Мертвые предки — неотдѣлимая часть семейнаго цѣлаго. Въ богатыхъ домахъ имъ воздвигаются отдѣльные храмы; въ бѣдныхъ — имъ посвящается лучшая комната. Семья—«Храмъ предковъ такого-то имени». Оттого семья—нѣчто святое и вѣчное. Она уходитъ глубоко въ прошлое и неизмѣнно устремляется въ будущее. Въ простыхъ крестьянскихъ семьяхъ ведется семейная лѣтопись и хранится родословная книга. Въ опредѣленные дни семья собирается въ комнату предковъ и, послѣ принесенія жертвъ, читаетъ записи о жизни членовъ семьи, умершихъ много столѣтій назадъ. Такъ же велика и связь съ будущимъ. Каждый китаецъ обязанъ вступить въ бракъ — мужчина не позже 30 лѣтъ, женщина — 20. Въ случаѣ несоблюденія правила, чиновники могутъ принудить къ этому. Въ «Книгѣ обрядовъ» сказано: «Бракъ заключается для того, чтобы человѣку быть въ состояніи правильно служить усопшимъ предкамъ и продолжать свой родъ». Семья обладаетъ судебной властью. Судитъ отецъ или семейный совѣтъ. Юрисдикція семьи почти неограниченна. Самое большое преступленіе — сыновья непочтительность. Въ 1882 г. въ одной семьѣ сынъ, въ пьяномъ видѣ, ударилъ мать. Мать живыми закопала его въ землю. Соучастники были осуждены, но помилованы; о виновности матери не было и рѣчи. — Семья отвѣчаетъ передъ начальствомъ за поведеніе своихъ членовъ. Выписки (о рожденіи, бракѣ, смерти) изъ се-

*) *Maspero. La Chine. Paris 1918.*

мейной книги служатъ официальнымъ удостовѣреніемъ для гражданскихъ актовъ. Общество признаетъ не отдельное лицо, а семью. Исключеніе изъ семьи влечетъ страшныя послѣдствія — общественное презрѣніе. — По образу семьи строится все социальное зданіе. Семейная дисциплина и сыновье почитаніе — основа всѣхъ общественныхъ отношеній. Если семья — государство, то и обратно: государство — семья. Государь — «отецъ и мать» своихъ подданныхъ: подданные—его дѣти. Подданные оказываютъ своему государю «сыновье почитаніе». Национальное обозначеніе китайцевъ — «Дѣти Ханя», «Сыны Ханя» (Хань — знаменитая императорская династія). Правительство — Куо-Кіа — «государственная семья». Правительственные чиновники — «отцы и матери народа». Губернаторъ — отецъ провинціи; окружной начальникъ — отецъ округа; сельскій староста — отецъ села. И даже въ современномъ Китаѣ выборный президентъ — «Отецъ Республики»^{*)}. — Слѣдующее за семьей социальное объединеніе — родъ. Родъ обнимаетъ семьи одного имени и живущія въ одномъ мѣстѣ. Число членовъ рода доходитъ до 1.500-1.800 человекъ. Вліяніе рода на общественную жизнь огромно. Онъ держитъ въ своихъ рукахъ деревенское самоуправленіе, руководитъ могущественными тайными обществами, играетъ опредѣляющую роль во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ. Для своихъ членовъ родъ — все. Онъ защищаетъ своихъ членовъ и отвѣчаетъ за нихъ извнѣ; руководитъ, помогаетъ, судитъ внутри. У рода — своя земля и «храмъ предковъ». Родъ устраиваетъ торжественныя собранія и празднества. Родъ заботится о бѣдныхъ, старикахъ, вдовахъ; устраиваетъ школы, больницы; помогаетъ даровитымъ дѣтямъ получить высшее образованіе; выдаетъ ссуды, уплачиваетъ долги; судитъ своихъ членовъ за все-

^{*)} *Moellendorff*. Le droit de famille chinois. Paris. 1896. *Li Ki*, traduit par Couvreur. Ho Kien fou. 1899. T. I, II.

возможныя преступленія и выносить третейскія рѣшенія. Право голоса въ совѣщаніяхъ рода имѣютъ всѣ главы семействъ; управляютъ «старѣйшіе». Всѣ китайцы, по обычаю, состоятъ членами родовъ. Исключеніе изъ рода влечетъ такія же послѣдствія, какъ исключеніе изъ семьи — гражданскую смерть. Семьи хранятъ родовыя названія въ теченіе тысячелѣтій. Оффициально въ Китаѣ числится 456 фамильныхъ именъ, и это недалеко отъ истины. Китайскій народъ называетъ себя Пэ-синь — «Сто семействъ»^{*)}. — Не меньшее значеніе, чѣмъ родъ, имѣетъ деревенская община. Китай — страна деревень. Несмотря на существованіе десятковъ большихъ городовъ, городское населеніе незначительно. Между тѣмъ, правительственное управленіе распространяется только на города. Штатъ государственныхъ чиновниковъ ничтоженъ — 30-40 тысячъ на всю имперію. Самый низшій начальникъ управляетъ округомъ въ 250-300 тысячъ жителей и 400-500 деревень. Естественно, что деревня никогда правительственныхъ чиновниковъ не видитъ. Мѣсто правительственнаго управленія занимаетъ деревенская община. Весь деревенскій Китай фактически самоуправляется. Только китайское самоуправленіе мало походитъ на западное. Это не «вольность», отвоеванная народомъ у центральной власти. Это созданіе государственной власти, уступившей часть своихъ правъ мѣстнымъ жителямъ; или, вѣрнѣе, возложившей на нихъ часть своихъ обязанностей. Деревня должна выбирать должностныхъ лицъ, заботиться о мѣстныхъ нуждахъ и исполнять порученія правительственной власти. Если она этого не дѣлаетъ, власть сама назначаетъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ людей и возлагаетъ на нихъ матеріальную отвѣтственность. Но, какъ бы то ни было, самоуправленіе играетъ громадную роль въ жизни деревни. Оно собираетъ налоги, завѣдуетъ дорогами, каналами, храмами, школами,

^{*)} Farjenet. Le peuple chinois. Paris. 1906.

устраиваетъ празднества, театральныя представленія, ярмарки, судить, причѣмъ его рѣшенія пользуются особымъ довѣріемъ населенія. Какъ и въ собраніяхъ рода, въ деревенскихъ собраніяхъ имѣютъ право рѣшающаго голоса всѣ главы семействъ. Фактически управляютъ деревней и занимаютъ всѣ должности «почетные граждане» — отставные чиновники, имѣющіе ученую степень, старѣйшины родовъ. Вліяніе этой деревенской знати на жизнь страны велико. Она опредѣляетъ общественное мнѣніе народа, и государственное управленіе, не считающееся съ ея волей, невозможно. Судьба всякаго закона и правительственнаго распоряженія зависитъ отъ ея содѣйствія; и, если она оказываетъ сопротивленіе, чиновники безсильны. — Въ городахъ самоуправленія не существуетъ. Управляютъ чиновники. Но въ каждомъ городскомъ кварталѣ имѣются выборные совѣты для мѣстныхъ нуждъ. И при каждомъ чиновникѣ имѣется совѣщательный органъ изъ делегатовъ семей. Фактически и въ городахъ чиновники зависятъ отъ мѣстной знати и должны считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Если общественное мнѣніе недовольно поведеніемъ чиновника, «по распоряженію всего города» ему вѣжливо предлагаютъ удалиться. Чиновнику не остается ничего другого, какъ подчиниться*). — Семья, родъ, деревенская община — основныя ячейки китайскаго общества. Но на этомъ социальное плетеніе не оканчивается. Оно идетъ дальше, охватывая весь народъ, снизу доверху, крѣпкими связями. Опредѣляющую роль въ жизни городского населенія играютъ профессиональныя объединенія. Гильдіи купцовъ, цехи ремесленниковъ, союзы рабочихъ всецѣло распоряжаются судьбой своихъ членовъ и являются

*) *Поповъ*. Конституція и земскія учрежденія въ Китаѣ. СПб. 1910.

Smith. Village Life in China. New York. 1899.

China. Wirtschaft u. Wirtschaftsgrundlagen. Herausg. v. Hel-
laner. Berlin. 1921..

истинными хозяевами общественной жизни города. Они облагают своихъ членовъ высокими взносами, руководятъ ихъ хозяйственной дѣятельностью, защищаютъ отъ притѣсненій, помогаютъ въ нуждѣ, судятъ за всякіе проступки. Имѣютъ большое вліяніе на представителей власти; въ случаѣ недовольства поведеніемъ послѣднихъ, борются съ ними бойкотомъ и стачками и обычно добиваются успѣха. Имѣютъ свои помѣщенія, мѣста культа и погребенія и, часто, большія состоянія. Профессиональныя объединенія охватываютъ весь группы населенія, вплоть до самыхъ низкихъ. Союзы воровъ и нищихъ знамениты. Они прекрасно организованы, имѣютъ свои уставы, устраиваютъ банкеты и празднества. Пекинскій союзъ нищихъ находится подъ покровительствомъ принца царствующаго дома. Союзы воровъ такъ могущественны, что власти часто бываютъ вынуждены вступать съ ними въ переговоры и кончатъ дѣло соглашениями. Громадное распространеніе имѣютъ всевозможныя благотворительныя общества, братства, землячества, клубы, союзы взаимопомощи. Благотворительныя общества заботятся о дѣтяхъ, больныхъ, старикахъ и даже животныхъ, устраиваютъ ясли, пріюты, больницы, богадѣльни. Союзы взаимопомощи организуются на случай болѣзни, погребенія, пожаровъ, для охраны целей, для защиты отъ нападенія разбойниковъ и притѣсненія начальниковъ и для всякихъ иныхъ нуждъ. Въ каждой деревнѣ имѣются нѣсколько такихъ обществъ и союзовъ. Многія общества насчитываютъ сотни и даже тысячи дѣтъ существованія. Большое значеніе въ жизни государства имѣютъ многочисленные тайныя общества, объединяющія миллионы и десятки миллионъ людей. Они организованы, какъ секты, на основѣ какого-нибудь религіознаго или моральнаго ученія, но преслѣдуютъ и политическія цѣли и, обычно, направлены противъ царствующей династіи. Народныя движенія и возстанія находятъ въ нихъ руководство и поддержку, и революціонное движеніе 20-го вѣка

не могло бы такъ быстро привести къ побѣдѣ, если бы оно не нашло опоры въ этихъ организаціяхъ*).

Соціальныя объединенія Китая, по прочности и разнообразію, не имѣютъ равныхъ себѣ въ мірѣ. Союзы и общественныя организаціи такъ многочисленны, какъ ни въ одной изъ самыхъ передовыхъ странъ Запада. Семья, родъ и община такъ слиты и едины, что кажутся живыми существами. Оттого, общественно, среди всѣхъ народовъ міра, китайскій народъ — самый развитой и культурный. Дисциплина, уваженіе къ людямъ, взаимная отвѣтственность вросли въ душу народа. «Солидарность» — неизмѣнно повторяемое слово обыденной рѣчи. Вѣжливость и «китайскія церемоніи» — выраженія удивительной общественной воспитанности. Вотъ почему китайскій народъ, многомилліонный и тѣсно сжатый, живетъ и движется почти безъ треній. Вотъ почему тишина и порядокъ вѣками царили въ китайскомъ государствѣ. Вотъ почему государственная власть играла такую малую роль въ народной жизни, и китайскій народъ, съ давнихъ временъ, — «наименѣе управляемый въ мірѣ». Вотъ почему и теперь, когда государственная власть сметена революціей, и Китай уже годы живетъ безъ правительства, въ глубинахъ народнаго бытія почти ничего не измѣнилось: соціальныя ячейки живутъ своей вѣчною жизнью, соціальныя связи крѣпки, и общественное зданіе стоитъ такъ же прочно, какъ оно стояло вѣка и тысячелѣтія**).

Таково общественное строеніе Китая. Высоко наверху — «святой на тронѣ». Внизу на землѣ безчисленный народъ — равноправный, свободный, крѣпко стянутый соціальными нитями. Между царемъ и народомъ — правящая интеллигенція. Неповторимое соединеніе общественныхъ стилей: абсолютизма, аристократіи и демократіи. Можно спорить о красотѣ строенія. Нельзя спо-

*) *Leboucq*. Associations de la Chine. Paris. 1880.

***) *Monnier*. Le tour d'Asie. L'empire du Milieu. Paris. 1903.
Dubosq. L'évolution de la Chine. Paris 1921.

рять объ одномъ: объ его практической цѣлесообразности. Ибо, изъ всѣхъ строеній человѣчества, оно оказалось самымъ долговѣчнымъ и устойчивымъ. То же и объ учителѣ Кунѣ: можно спорить о томъ, былъ ли онъ великимъ мыслителемъ и философомъ. Но что онъ былъ величайшимъ строителемъ человѣческаго общества, это безспорно.

Въ удивительномъ зданіи китайской общественности европейскій наблюдатель не найдетъ одного — человѣческой личности. То, что составляетъ душу европейской культуры, на чемъ покоится все общественное зданіе Запада, въ Китаѣ отсутствуетъ. Есть члены такой-то семьи, такого-то рода, такой-то общины; участники корпораціи и подданные государства. Нѣтъ отдѣльнаго независимаго человѣка, свободной неповторяемой личности. И это понятно. Ибо китайскій народъ не знаетъ личнаго Бога; не знаетъ и человѣка, созданнаго по образу и подобию Божію. Богъ — Тао, Гармонія, Великое Все. И человѣкъ — только слѣдъ Тао, тѣнь міровой Гармоніи, пылинка вѣчнаго Бытія. Потому, и въ обществѣ, человѣкъ не имѣетъ лица. Человѣкъ — только частица безличнаго коллектива. Онъ думаетъ, какъ всѣ, чувствуетъ, какъ всѣ, дѣйствуетъ, какъ всѣ. Живетъ по нормамъ, правиламъ, традиціямъ, созданнымъ тысячелѣтіями. Не имѣетъ личной воли, личнаго права, личной свободы. Китайскій народъ — самый свободный въ мірѣ: болѣе свободный, чѣмъ англійскій или американскій. Отдѣльный китаецъ даже не имѣетъ понятія объ идеѣ свободы. Такого слова нѣтъ и въ языкѣ. Китаецъ независимъ отъ государства; ибо государство не достигаетъ его. Онъ — рабъ окружающихъ его коллективовъ, могущество которыхъ безгранично и воля которыхъ — законъ. Въ этихъ безчисленныхъ подколлективахъ человѣческая личность растворяется до конца. Потому даже самый выдающійся китаецъ безличенъ: нѣтъ индивидуальнаго характера, индивидуальнаго творчества, индивидуальной фантазіи. Онъ — такой же

какъ всё, только отточенный до степени совершенства.— Отсюда трагедія новаго Китая. Есть республика, конституція, парламентъ. Нѣтъ человѣка и гражданина. А потому, нѣтъ и носителя человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Республика, конституція, парламентъ висятъ въ воздухѣ. Гражданскія права и свободы покоятся на пескѣ. Небольшой поворотъ исторіи, и все это можетъ исчезнуть, какъ дымъ. Республика, демократія, права гражданина — цвѣты Запада. Онѣ выросли на западной почвѣ, ибо въ основѣ Запада — личность. Гдѣ личность — все, тамъ неизбежно — въ политикѣ, правѣ, хозяйствѣ — рождаются формы, выражающія ея всемогущество. Но въ Китаѣ личности нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ея не было 4.000 лѣтъ. Только теперь, подъ вліяніемъ Запада, смутное сознаніе личности пробуждается въ душахъ немногихъ интеллигентовъ. Распространится ли это сознаніе дальше? Проникнетъ ли въ душу народа? Преобразитъ ли миллионы людей? И сколько столѣтій уйдетъ на это? Во всякомъ случаѣ, ясно одно: пока личности нѣтъ, трагедія новаго Китая неразрѣшима*).

И, вмѣстѣ съ осознаніемъ китайской трагедіи, въ душѣ западнаго наблюдателя рождается непреодолимое раздвоеніе. Современный западный наблюдатель неизменно очаровывается Китаемъ. Китайская жизнь привлекаетъ его своею мудростью, глубиною и цѣльностью; своею связью со вселенной и Тао; своею тишиною и гармоніей; своею мягкостью и человѣчностью. Изъ одинокой, холодной и бездушнoй жизни Запада онъ приходитъ сюда съ ощущеніемъ счастья, точно погружаясь въ атмосферу благоуханія и ласки. Но очарованію положенъ

*) *Percival Lowell*. Die Seele des Fernen Orients. 1921.

Willy Haas. Die Seele des Orients. 1916.

Farjanel. La morale Chinoise. Paris. 1906.

Lefcadio Hearn. Le Japon. Paris 1921.

Новый Востокъ. Кн. 1, 2, 3. 1922-3.

Востокъ. Кн. 1. 2. 1922-3. Москва.

предѣлъ. Когда западный человѣкъ проходитъ въ глубины китайской жизни, онъ съ волненіемъ убѣждается, что въ этомъ чудесномъ мірѣ нѣтъ одного — человѣческой личности. Живые люди кажутся тѣнями и знаками. Очарованіе смѣняется чувствомъ тоски и смятенія. Западный человѣкъ задыхается въ безличномъ обществѣ, какъ въ безвоздушномъ пространствѣ. И ясно осознаетъ, что въ «Благоухающемъ царствѣ» ему мѣста нѣтъ. Ибо западный человѣкъ — индивидуальность и личность. Потерявъ многое, онъ сохранилъ это Божественное пріобрѣтеніе человѣческой исторіи. И тотъ, кто ощутилъ въ себѣ бленіе личности, не откажется отъ нея ни за какія цѣнности жизни. Какъ тотъ, кто видѣлъ свѣтъ и краски, не можетъ быть счастливъ въ безсолнечномъ мірѣ.

И. Бунаковъ.